

Кукла

Леонид Попов

Фарфоровую куклу привезли утром, вместе с ранним снегом. Тяжелая дубовая дверь, украшенная цветными наборными стеклами, хлопнула, впуская маленький снежный вихрь, и отгородила от зимы теплое пространство магазина.

Краснощекий молодой человек подмигнул длинноволосой девушке, сидящей за кассой, и осторожно положил большую, красивую, всю в цветочных узорах коробку. На коробке быстро таяли маленькие снежинки.

Хозяин магазина своими руками развязал ленты и открыл крышку. Все затаили дыхание: в белой шелковой колыбельке лежало маленькое, в локоть размером, чудо. Хозяин аккуратно достал куклу и поставил ее на прилавок. Бледно-розовое личико из тончайшего китайского фарфора было расписано рукой мастера. Голубые глаза, казалось, вот-вот моргнут и распахнутся еще шире, чтобы рассмотреть получше высокие деревянные полки с рядами игрушек и восхищенные лица людей, глазевших на заморское чудо. Алые губки уже готовы были сказать «Здравствуйте...», и все ждали слов, но этого не случилось. Хоть она и китайская, но все же кукла.

Хозяин сам приготовил почетное место для дорогой гостьи. Он раздвинул сидящих рядком загорелых Барби в тропических нарядах, протер полку чистой суконной тряпкой и бережно, почти не дыша, как на трон, усадил

куклу. Лучик зимнего солнца попал на лицо гостыи, и магазин наполнился светом, отраженным от прекрасных китайских щечек.

- Ну, все! Работать, работать! - повелительным тоном утвердил обычный порядок хозяин магазина.

Девушка вздохнула и забралась на высокий стул у своей кассы, краснощекий молодой человек получил чаевые и дверь за ним захлопнулась. Очередной зимний день начался, как обычно.

Покупателей собралось немного, но все они были особенные – ведь этот магазин предназначался для детей. На верхних полках стояли оловянные солдатики, гордо подняв голову и крепко сжимая ружья. Чуть ниже расположились мягкие игрушки: медведи, зайцы, лошадки и даже один веселый клоун с бубенчиками на своей клоунской шляпе. Еще ниже лежали игрушки громкие: барабаны, трубы и прочие, ненавидимые родителями всего мира предметы. Прямо под ними жили самые разные куклы. Здесь были заносчивые Барби, о которых мы уже упоминали, глупые голыши-пупсы с нарисованными прическами и толстенькими ручками, нарядные Красные Шапочки, синеволосые Мальвины и, конечно же, наша китайская принцесса. Ниже были машинки и паровозы, еще ниже — краски с карандашами. И так далее, и так далее, и так далее... Игрушек было очень много, полки не пустовали. Каждый маленький покупатель мог найти то, что ему было по душе.

Покупатели приходили обязательно в сопровождении взрослых. Мальчишки врывались первыми, увлекая за собой дам в дорогих нарядах и мужчин в шляпах и длинных пальто. Девочки чаще оказывались поскромнее, но было видно, как их притягивает к себе полка с куклами. Выход посетителей происходил в обратном порядке. Примерно так: величественная дама с выражением исполненного долга на лице тащила за собой упирающегося мальчишку или девочку, которые все время оглядывались назад, стремясь унести с собой то ощущение чуда, которое витало около заветного прилавка.

Ночь пришла днем, как это всегда бывает зимой. Уже после четырех стемнело, и только свет фонарей распугивал зимние тени возле магазина игрушек. А в семь часов хозяин повернул большой ключ в замочной скважине входной двери и все затихло. На улице за окном изредка поскрипывал снег под ногами редкого прохожего и завывал студеной ветер, который от нечего делать подбрасывал снежинки вверх и кружил и кружил их в своем безумном морозном танце.

Игрушки проснулись. Они всегда просыпались после закрытия магазина и начинали обсуждать дневные впечатления. Сегодня же, конечно, главным событием стало прибытие новой куклы.

- Фи, какая она бледная, - сразу же осудили фарфоровую принцессу за даваки Барби. - Да на нее же никто не посмотрит. Что, милочка, краски не хватило? Хи, хи, хи!

- Какая красавица, - тихонько вздохнул веселый клоун и погрузился. Он понимал, что между ним и куклой огромная пропасть. Разве принцесса может обратить внимание на обычного шута?

- Какая же ты хрупкая, деточка, - важно прогудела толстобокая румяная матрешка. - Ты держись покрепче, не ровен час упадешь и разобьешься.

- Она и говорить-то небось не умеет...

- Что за наряд такой? Сейчас так не носят...

- А прическа! Где ты нашла такого парикмахера, милочка? Эти кудри тебя старят...

Кукла застенчиво улыбалась, кивала головой в ответ на все это и порывалась что-то сказать, но ее тихий голос тонул в шуме и гаме. Да еще оловянные солдатики решили поразмяться и устроили маленький парад. Они ходили взад и вперед по своей полке, лупили в барабаны и маршировали, точно отбивая такт своими оловянными сапожками.

Потом наступило утро, вновь заскрипел большой замок входной двери, вошел хозяин магазина и с ним новый день. Следом впорхнула длинноволосая девушка, стряхнула с сапожек приставший снег, повесила за дверью на гвоздик свое пальтишко, причесалась, глядя в маленькое зеркальце, и уселась на высокий стул за кассой. Куклы сидели на своих местах, оловянные солдатики стояли неподвижно. Все было, как всегда.

Сразу после открытия купили Барби — невесту в белоснежном платье, потом большой барабан, стянутый стальными обручами, следом набор красок, машинку, еще что-то...

После короткого обеденного перерыва все началось снова. Мальчики и девочки с мамами и папами. Покупки и отказы. Восторги и слезы.

Многие приценивались к фарфоровой кукле, но всякий раз под благовидным предлогом отказывались от покупки. Она была слишком дорога и необычна. Куда проще было купить Мальвину, мягкого тигра или паровозик. Это были понятные вещи, а задумчивый, немного грустный взгляд китайской красавицы заставлял думать и будил ненужные воспоминания. Мамаши предлагали купить своим дочкам веселых румяных кукол Барби, и те с удовольствием соглашались.

Вечер настал в свое время, дверь закрылась, и магазин привычно ожил. Опять осуждали нездешнюю красоту фарфоровой куклы, но уже не так рьяно, а потом и вовсе забыли про нее, и только Барби иногда бросали злые взгляды на китаянку — ведь это из-за нее их лишили лучшего места на полке.

Клоун долго не мог решиться и уже далеко за полночь набрался смелости, подошел к фарфоровой кукле и сказал, немного заикаясь от смущения:

- Можно я немного посижу с тобой рядом?

- Конечно! - обрадовалась та и подвинулась, освобождая ему место.

Она не кокетничала и не задирала нос, и клоун быстро перестал заикаться. Он узнал, как жилось гостье в далеком Китае и как вообще там живут люди. И что в городе, где родилась фарфоровая красавица, совсем не бывает снега. За разговором пролетела ночь, сменилась утром, утро — полным магазинной сутолоки днем, и снова пришел вечер.

Клоун весь день боялся, что купят его или китаянку и разлучат их. Он полюбил ее всей душой. Они опять говорили всю ночь, и Барби уже не цеплялись к фарфоровой кукле — ведь у нее был защитник.

Шли дни, зимние, похожие друг на друга дни, и почти ничего не менялось. Но однажды пришла беда. Толстый мальчишка из-за того, что ему не купили самую громкую трубу, которой он хотел мучить весь дом, разозлился и как будто бы нечаянно, проходя мимо, толкнул полку. Посыпались оловянные солдатики, упал бурый мягкий мишка, злосчастная труба со звоном грохнулась на пол и... фарфоровая кукла, не успев схватиться за край полки, упала прямо под ноги маленькому негодяю!

Фарфоровое розовое ушко отлетело и разбилось на мелкие кусочки. Бледная ручка треснула и вмиг обезобразилась страшной черной ветвистой трещиной от самого локтя до пальчиков.

Отец притихшего в ужасе от содеянного хулигана извинялся перед хозяином магазина, предлагал заплатить, но тот скрепя сердце отказался: посетителем был мэр города. Фальшиво улыбаясь, хозяин проводил мэра до выхода, отворил перед ним дверь и вяло пожал протянутую руку. Затем вернулся к месту погрома, с досадой повертел в руках раненую куклу и усадил ее подальше, на верхнюю полку, в самый уголок.

- Теперь ее никто не купит, - с огорчением пробормотал он и принялся восстанавливать прежний порядок. Барби опять получили в свое распоряжение лучшее место на полке и еще выше задрали носы.

Ночью, как только за хозяином затворилась дверь, клоун сразу же оказался возле своей несчастной подруги. Та сначала не хотела говорить и тихонько плакала, но клоун не был бы клоуном, если бы не смог рассмешить любого, и через полчаса кукла смеялась, забыв о своей беде. Лишь иногда она трогала то место, где было ушко, поправляла прическу, закрывая обезображенную головку, и погружалась в печаль. Но ненадолго: клоун веселил ее, как мог, а мог он это очень хорошо.

Так проходили дни и ночи. Покупатели больше не спрашивали цену фарфоровой куклы и покупали загорелых, жизнерадостных Барби. Кукла покрывалась пылью, ее забывали протирать – ведь она сидела так далеко, что легче было забыть, чем забраться почти под потолок. Солнечный лучик не падал на верхнюю полку и от этого кукла становилась еще бледнее. Платье ее утратило свою изящную свежесть и стало почти серым. Только клоун ничего этого не замечал и продолжал веселить свою подругу каждую ночь. Он просто любил ее.

Но пришел день и случилась новая беда. Клоуна купили. Он плакал, но эти слезы видела только фарфоровая кукла. Люди не должны видеть кукольных слез, таков закон. Больше они не виделись. Теперь по ночам кукла ни с кем не разговаривала, да и с ней никто не говорил. Ее просто не замечали. Ну кому, скажите, нужна разбитая замарашка?

Зима была почти на исходе. Стоял март, но стужа не отступала, на улице лежали сугробы, и казалось, весна не придет никогда. Сразу после открытия дверь отворилась и вошли трое: стройная красивая дама в дорогом меховом манто, высокий мужчина в шляпе, длинном пальто с меховым воротником и модных лакированных ботинках и девочка, державшая даму за руку. Она едва доставала до пояса родителям, была очень худа и бледна. Даже пушистая

шубка не могла скрыть ее худобы. Щеки девочки горели тем румянцем, о котором принято говорить «нездоровый». Глазки прятались за длинными ресницами, на которых висели капельки растаявшего снега.

- Выбирай, милая, - красивым грудным голосом пропела дама. Мужчина с важным видом встал возле окна и приготовился терпеливо ждать.

Девочка приподняла ресницы, словно бабочка, которая расправляет крылья, оглядела полки и еле слышно сказала:

- Купите мне, пожалуйста, вот эту куклу, - ее худенький, почти прозрачный пальчик протянул невидимую нить от бледной ручки в самый дальний угол, почти под потолок. Там сидела фарфоровая кукла.

Дама уронила перчатки и пораженно прошептала:

- Она заговорила...

Потом дама присела рядом с дочкой и торопливо затараторила:

- А почему эту, дорогая? Давай возьмем Барби — невесту или вон ту красавицу в карнавальном платье. - Она оглянулась, сзади стоял потрясенный отец. Видно было, что слова девочки стали для них сюрпризом. Она не говорила уже давно. То ли не могла, то ли не хотела. Доктора разводили руками и советовали самое разное. Но разное не помогало, и снова звали докторов. Уже других.

- Нет, мамочка, я хочу эту.

- Но почему?

- Она такая же, как я.

Хозяин уже достал несчастную изгнанницу с дальней полки и незаметно смахнул с нее пыль.

- Пожалуйте, мадам. Уступим со скидкой. Дефект, знаете ли.

- Ну вот, она еще и с дефектом, - проговорила дама, - а может все-таки...

Она увидела глаза дочки и только спросила:

- Сколько с нас?

Куклу хотели уложить в красивую коробку, но девочка взяла ее на руки, стянула с шеи свой пуховый шарфик и замотала им новую фарфоровую подружку. Дама хотела было возразить, но мужчина крепко взял ее за локоть и она смолчала.

На улице их ждал автомобиль. Хозяин магазина придержал дубовую дверь, выпуская гостей и впуская в помещение стужу, затем аккуратно затворил дверь и удовлетворенно потер руки.

Автомобиль покатыл по заснеженной улице, за рулем сидел мужчина в лакированных ботинках, рядом с ним — дама в меховом манто. Оба изредка многозначительно переглядывались и улыбались, а на заднем сиденье хрупкая девочка в пушистой шубке прижимала к груди фарфоровую куклу и что-то тихо шептала ей.

© Copyright: Леонид Попов, 2019

Свидетельство о публикации №219012301499

